

Глава VI

СТАНОВЛЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

С образованием Этнографического музея стали устанавливаться международные связи его сотрудников с зарубежными исследователями. Уже упоминалось об экспедиции немецкого исследователя В.Ф. Карвинского 1840–1843 гг. на Кубу и в Мексику, организованной на средства ИАН. В середине XIX в. особенно плодотворными были научные связи с датскими коллегами. В 1842 г. Этнографический музей получил коллекцию по эскимосам Гренландии, которую передал датский зоолог **Даниэль Фредерик Эшрихт** (1798–1863). Коллекция состояла из праздничного женского костюма — короткой кухлянки (№ 4157-101), штанов (№ 4157-99) и пары сапог (№ 4193-127/1, 2). Каким образом эта коллекция поступила в музей (собиратель подарил ее во время посещения Санкт-Петербурга или прислал в дар из Дании), сведений не сохранилось. Однако сам факт поступления коллекции свидетельствует об установлении деловых связей между датскими исследователями и сотрудниками Этнографического музея.

В дальнейшем сотрудничество было продолжено, и уже в 1848 г. состоялся обмен коллекциями, когда из Копенгагена поступили около 80 муляжей археологических артефактов и отдельные предметы народов Америки и Африки. Всего в этой коллекции, основная часть которой в настоящее время находится в отделе археологии МАЭ (№ 25), первоначально было 86 предметов. Из них один только предмет относится к изделиям народов Америки — это ритуальная деревянная палица индейцев Бразилии (№ 765-57).

Академик А.М. Шегрен оставался директором Этнографического музея до своей кончины в январе 1855 г. В ноябре 1856 г. новым директором музея избрали академика Антона Антоновича Шифнера (1817–1879) — специалиста по восточным и финно-угорским языкам. Хранитель музея Л.Ф. Радлов также в основном за-

нимался лингвистическими исследованиями. В 1858 г. открыли новую экспозицию Этнографического музея, которая размещалась в двух «нижних залах» Кунсткамеры. Известно, что один из этих залов был «темным и низким», то есть он находился в полу-подвальном помещении. Через несколько лет в распоряжение музея выделили еще один зал в здании ИАН. В то время в музее было около 4,5 тысяч предметов, из них значительная часть хранилась в ящиках и сундуках. В частности, были не распакованы коллекции МГАД и многочисленные посылки И.Г. Вознесенского. На экспозиции 1858 г. были представлены старые коллекции Кунсткамеры и небольшие по численности собирательские коллекции: К.Т. Хлебникова (№ 2), Л.А. Загоскина (№ 7), Д.Ф. Эшрихта (№ 12), Л.И. Шренка (№ 38) и др. Каждая собирательская коллекция размещалась на отдельной полке или в отдельном шкафу. Этнографический музей не располагал гардеробом и в зимнее время был закрыт для посетителей.

Проект объединения Этнографического и Анатомического музеев

Еще в 1842 г., при утверждении академика Карла Максимовича Бэра (Карла Эрнста фон Бэра, 1792–1876) директором Анатомического музея, он в своем вступительном слове высказался за объединение антропологических и этнографических исследований. Академик К.М. Бэр «смотрел на этнографию по преимуществу с точки зрения антропологической и вообще естественно-исторической, причем он обращал особое внимание на зависимость этнографического характера исследуемых народностей от природных условий страны или местности, в которых они обитали» [Семенов 1896: 87]. В 1860 г. А.А. Шифнер и К.М. Бэр выдвинули на обсуждение Конференции (общего собрания Императорской Академии наук) проект создания объединенного музея, рассказывающего о происхождении человека и его культуры на основе трех наук: этнографии, антропологии и археологии. К.М. Бэр рассматривал антропологию как комплексную науку о человеке, поэтому он выступал за преобразование Анатомического музея в Антропологический и его объединение с Этнографическим музеем с привлечением археологических коллекций. На основе объединения этнографических, археологических и антропологических коллек-

ций в 1852 г. создали Германский музей в Нюрнберге, а в 1855 г. — Новый музей в Берлине. Таким образом, идея объединения трех наук, изучающих человека и его культуру, была впервые осуществлена в Пруссии. В России инициатором такого симбиоза трех наук был К.М. Бэр, а не Д.Н. Анучин, как считал С.А. Токарев [Токарев 1966: 359].

В конце 1850-х годов А.А. Шифнер и К.М. Бэр начали практическую подготовку к объединению Этнографического и Анатомического музеев. Так как археологические коллекции отсутствовали в Анатомическом и были крайне малочисленны в Этнографическом музее, то в первую очередь решили пополнить археологическое собрание и начали переговоры по этому вопросу с Королевским музеем Копенгагена. В 1860 г. в Данию командировали Л.Ф. Радлова «для знакомства с поучительным музеем Копенгагена, но также затем, чтобы приобрести путем обмена или покупки доисторические древности с целью сравнения с отечественными древностями и завязать личные отношения с авторитетными специалистами» [Russov 1900: 2].

«В орбите К.М. Бэра в начале 1860-х годов находилось двое вполне зрелых исследователей, каждый из которых соединял в себе профессионального филолога-лингвиста, этнографа и археолога. <...> В 1850-х годах Л.Ф. Радлов начал сравнительное изучение коллекций “доисторических древностей” Швеции, Дании, Германии и Швейцарии. Вероятно, все это было напрямую связано с планами К.М. Бэра сделать Этнографический и Антропологический музей ИАН еще и археологическим и обосновать необходимость приобретения им коллекций каменных, костяных, бронзовых и иных орудий первобытной эпохи» [Императорская 2009: 559].

По результатам командировки Л.Ф. Радлова Этнографический музей в 1860 г. получил из Копенгагена археологическую коллекцию скандинавских древностей (№ 1571) и в 1862 г. этнографическую коллекцию (№ 51). В качестве ответного дара в 1862 г. в Данию отправили уникальное этнографическое собрание из более ста предметов народов Кавказа, Сибири (ненцев, хантов и манси, бурят, якутов, тунгусов, ительменов, айну, чукчей), Русской Америки (кадыкцев, чугачей, тлинкитов, денайна, индейцев Калифорнии), а также полинезийцев Гавайских островов. В описи бразильской коллекции № 765 хранится копия списка от-

правленных в Данию предметов. При знакомстве с этим списком становится понятно, что в Королевский музей Копенгагена послали наиболее редкие и ценные в научном отношении предметы. Например, среди них была уникальная тлинкитская накидка с геометрическим узором, которая сейчас находится в Национальном музее Дании (№ КС. 119), преемнике Королевского музея Копенгагена. Эту накидку приобрели в 1788 г. участники экспедиции Г.Г. Измайлова — Д.И. Бочарова у тлинкитов, населявших побережье залива Лътуа.

Научные связи российских и датских ученых с конца 1850-х годов были довольно интенсивными. В 1861 г. на русском языке издали книгу директора Королевского музея Копенгагена профессора Йенса Иакоба Ворсо (J.J. Worsaae, 1821–1885) «Северные древности Королевского музея в Копенгагене», с совместным предисловием К.М. Бэра и А.А. Шифнера [Ворсо 1861]. Как немецкий ученый, К.М. Бэр всегда интересовался развитием науки в Пруссии и немецких княжествах. В 1861 г. по его инициативе провели первый международный конгресс антропологов в Геттингене и создали Немецкое антропологическое общество. Неизвестно, по каким причинам, но в 1862 г. К.М. Бэра отправили в отставку со всех занимаемых должностей в академии и Географическом обществе. После 1862 г. у Анатомического музея не было директора, и объединение двух музеев, изучающих человека и его культуру — Этнографического и Анатомического, стало лишь вопросом времени.

Хранитель Этнографического музея, лингвист Л.Ф. Радлов уволился из музея 20 ноября 1863 г. Он скоропостижно скончался в возрасте 47 лет в день своего рождения 29 октября 1865 г. Е.Э. Бломквист писала о его вкладе в изучение языков народов Аляски: «Долго и упорно работая над печатными и особенно архивными лингвистическими материалами, Радлов теоретически овладел несколькими языками Северо-Восточной Азии и Северо-Западной Америки. <...>

Большой интерес представляет статья Радлова «Некоторые данные о языке кайганов». Она написана на основе образцов кайганского диалекта языка хайда, которые собрал В. Миддендорф, в течение 10 лет бывший директором магнитной обсерватории в Ново-Архангельске. <...> Уже после смерти Радлова академик А.А. Шифнер подготовил к печати и издал его труд «Словарь кенайского языка». В своем предисловии к этому изданию Шифнер

говорит, что рукопись этой работы, представляющей собой наглядное сопоставление различных словарей кенайского языка, была передана ему Радловым для напечатания еще в 1857 г. Но сразу же после этого Радлову удалось получить совершенно новые материалы по кенайскому языку, собранные горным инженером П. Дорошиным во время его пребывания в районе расселения кенайцев в 1848–1852 гг., поэтому опубликование работы было приостановлено. <...>

Неизданным остался многолетний труд Радлова о тлинкитском языке, которому он посвятил последние годы жизни. Первое знакомство с этим языком связано с работой над собранными прежде материалами Резанова, Хольмберга и Миддендорфа. В дальнейшем он имел возможность изучить тлинкитский язык непосредственно от тлинкита Тихонтин, старшины одного из племенных подразделений, выписанного для этой цели в Петербург при содействии Академии наук и жившего там в 1861–1862 гг.» [Бломквист 1975: 105–106].

Сотрудничество с Х.Й. Ринком

Дальнейшее сотрудничество между Этнографическим музеем и Королевским музеем Копенгагена было связано с подготовкой в середине 1860-х годов комплексной экспедиции на Чукотку во главе с чиновником из Якутска Герхардом Густавом Людвигом фон Майделем (1835–1894). Академики К.М. Бэр и Ф.Ф. Брандт составили для него инструкции по сбору различных коллекций. Они сообщили о предстоящей экспедиции на Чукотку датскому этнографу **Хинриху Йохану Ринку** (1819–1893), с которым хранитель Этнографического музея Л.Ф. Радлов установил личные отношения еще в 1860 г., во время командировки в Копенгаген. В тот период Х.Й. Ринк являлся ведущим специалистом по культуре эскимосов Гренландии. Впервые Х.Й. Ринк посетил Гренландию в 1848 г., здесь он прожил 16 лет, а затем еще шесть раз приезжал на остров во время летних сезонов. Х.Й. Ринк занимал должность инспектора в колониальной администрации. Он учредил орган местного самоуправления — «Совет попечителей», где работали как датчане, так и эскимосы. Совет занимался распределением государственных пособий и разрешением мелких споров. Большой интерес Х.Й. Ринк проявил

к прошлому и настоящему населения Гренландии. Он проводил археологические раскопки древних норманнских поселений, занимался сбором фольклора и этнографических коллекций среди эскимосов. Фольклорные тексты эскимосов Х.Й. Ринк опубликовал на английском языке в 1875 г., только в 2007 г. эта книга была переиздана в России [Ринк 2007].

Х.Й. Ринк отправил Г.Л. Майделю записи фольклора эскимосов Гренландии для их сравнения с легендами и мифами чукчей. Один из участников экспедиции Г.Л. Майделя отметил: «Здесь кстати скажу, что датский ученый Ринк, бывший директор датских колоний в Гренландии и подробно изучавший быт и язык эскимосов, прислал нам иллюстративную тетрадь сказок и преданий этого народа и, полагая, что они одного происхождения, просил узнать и сообщить ему, не существует ли подобных сказаний у сидящих чукчей. Но я могу смело засвидетельствовать, что ни у тех, ни у других чукчей ничего подобного нет. Одно только они рассказывают, что предки их когда-то вышли из той стороны Берингова пролива» [Нейман 1871: 25].

Чукотская экспедиция работала на северо-востоке Сибири с 1868 по 1870 г. Ее основные научные результаты опубликованы в работе Г.Л. Майделя [Майдель 1894–1896]. Сразу по окончании экспедиции он опубликовал статью «Ответы Чукотской экспедиции на вопросы академика Бэра», в которой писал: «От Пээка до устья Анадыря вдоль берега живет также немногочисленный народ, который также живет тюленьим и рыбным промыслом, но говорит языком, совершенно непонятным чукчам, тогда как каждый из этого народа хорошо понимает по-чукотски. Чукчи называют этот народ айгван. По внешности их трудно отличить от чукчей, и лагеря их устроены точно так же, с тем только различием, что они покрыты не ровдугой, как у чукчей, а тюленьими шкурами, называемыми “лафтак”».

Прямо против мыса Пээка и посреди между обоими материками лежит небольшой остров Илир. <...> На Илире опять живет особенный народ Имкалин, который строит хижины из наносно-го леса, а одежду делает из птичьих шкур» [Майдель 1871: 67–68].

Еще в XVIII в. русские землепроходцы различали собственно чукчей и «зубатых» или «сидячих чукчей», то есть азиатских эскимосов. То, что это разные народы, в то время никто не знал. В 1792–1794 гг. И.И. Биллингс установил, что американские эски-

мосы и «сидячие чукчи» говорят на одном языке. Натуралист Август Федорович Кибер (1794—1854), участник экспедиции Ф.П. Врангеля 1820—1824 гг., высказал идею об американском происхождении чукчей [Кибер 1823: 93]. Вскоре ее повторил лингвист Юлий Клапорт (1783—1835), который назвал чукчей и коряков полярными американцами [Штернберг 1926: 153]. На основе этих и других источников европейские ученые пришли к ошибочному заключению, что чукчи и американские эскимосы говорят на одном языке.

* * *

В 1868 г. Х.Й. Ринк отправил в Санкт-Петербург коллекцию, в состав которой входили археологические находки, этнографические предметы и фотографии. Археологическая часть коллекции состояла из вещей древних норманнов, этнографические предметы были собраны среди эскимосов Западной Гренландии. Также среди эскимосов этого района Х.Й. Ринк сделал 14 фотографий, на которых представлены аборигены в традиционной одежде и их поселения. К сожалению, все фотографии Х.Й. Ринка плохого качества. Если фотоколлекция сохранилась до нашего времени целиком, то вещевые коллекции — лишь частично. В настоящее время из собрания Х.Й. Ринка удалось выявить праздничный девичий костюм, состоящий из кухлянки (№ 4193-75), штанов (№ 4157-100) и пары сапог (№ 4193-72/1, 2). Также к его сборам относятся камлейка (№ 4193-70), деревянный сосуд (№ 3235-21), каменная лампа-жирник (№ 78а-1), три медных куска от колокола (№ 78а-5/1, 2, 3) и тропический орех (№ 78а-6), который течением прибило к берегу Гренландии. Кроме того, в карточном каталоге отдела Америки имеются две карточки с рисунками наконечников поворотных гарпунов (№ 78а-3, 4). В настоящее время эти наконечники могут находиться на хранении в отделе археологии МАЭ. В журнале поступлений музея за 1837—1877 гг. приведена копия списка полной коллекции Х.Й. Ринка.

«Инспектором Южной Гренландии
др. филос. г-ом Ринк подарены:

1) Девичий праздничный костюм по нынешней моде, состоящий из меховой куртки, унизанной бисером, из штанов и сапог (№ 4193-75, 4157-100, 4193-72/1, 2. — С.К.).

2) Парка кишечная, употребляемая язычниками на восточном берегу Гренландии (редкость) (№ 4193-70. — С.К.).

3) Кожаная повязка, единственная одежда женщин в зимних жилищах язычников на восточном берегу Гренландии (редкость).

4) 2 куклы, изображающие мужчину и женщину в нынешних костюмах, носимых в Датских колониях.

Из эскимосских могил

5) Лампа из местного (Гренландия) горшечного камня (№ 78а-1. — С.К.).

Коробка деревянная (№ 3235-21. — С.К.). Наконечники стрел: каменных 12 штук, костяных в оправе 2 штуки (№ 78а-3, 4. — С.К.), железный — 1. Осколок кремневого ножа. Клин каменный.

6) Кусок хорошо сохранившегося савана и 3 куса колокольчатой меди (№ 78а-5/1, 2, 3. — С.К.) из развалин древних исландских или скандинавских колоний (1000—1400 гг.) в Гренландии.

7) Бобок тропический, нередко выбрасываемый морем на берега Гренландии (№ 78а-6. — С.К.).

8) Карта местности под 65° сев. шир., составленная гренландцем, с писанным им же списком наименований местностей.

9) Виды гренландские, хромо-литографированные, сделанные большей частью самим г. Ринком при помощи гренландского печатника, и типы гренландские, фотографии (№ 78-1—14. — С.К.)» [АМАЭ. Ф. К-IV. Оп. 1. № 3. Л. 89—90].

* * *

Новым хранителем Этнографического музея 9 ноября 1865 г. назначили коллежского асессора **Федора (Фридриха) Карловича Руссова** (1826—1906). Он проработал в музее почти сорок лет. В период с 21 августа по 1 декабря 1868 г. Ф.К. Руссов находился в заграничной командировке, в ходе которой посетил Пражский музей, Новый музей в Берлине, Германский музей в Нюрнберге и Императорский музей в Вене. Как отмечалось, экспозиции Нового музея в Берлине и Германского музея в Нюрнберге были созданы на основе соединения антропологических, археологических и этнографических коллекций. Знакомство с этими музеями дало Ф.К. Руссову практические знания для претворения в жизнь проекта К.М. Бэра и А.А. Шифнера по объединению Этнографического и Анатомического музеев.

Кроме того, в Германии, в городе Егерсбург, Ф.К. Руссов осмотрел частную коллекцию братьев Шлагинтвейт, привезенную из Индии. Во время этой командировки он установил деловые

связи со многими европейскими исследователями. Уже в 1870 г. Этнографический музей получил из Нюрнберга от Роберта Шлагинтвейта две копии гипсовых масок, снятых с лиц индейцев пауни (№ 81). Они находятся на хранении в отделе антропологии МАЭ. Во второй половине 60-х — начале 70-х годов XIX в. Ф.К. Руссов был едва ли не единственным исследователем, проявившим интерес к коллекциям не только Этнографического, но и Анатомического музея. Учитывая его заслуги по сохранению и изучению коллекций, в 1874 г. Ф.К. Руссова утвердили в должности учебного хранителя Этнографического музея.

В 1873 г. Этнографический музей посетил французский этнограф Альфонс Луис Пинар (1852—1911). В течение 1871—1872 гг. А.Л. Пинар проводил этнографические исследования на Аляске — на островах Унга и Кадьяк, где ему удалось собрать уникальную коллекцию алеутских и кадьякских масок. Обнаружив сходство во внешности народов Аляски и Сибири, он решил провести изучение традиционной культуры и языка ряда народов Сибири для поиска параллелей между ними и народами Аляски. А.Л. Пинар приехал в музей с редким в то время прибором — фотоаппаратом. Он сфотографировал ряд американских предметов на экспозиции и передал в музей эти фотографии (№ 91). В Сибири А.Л. Пинар провел более года и при возвращении на родину в 1875 г. вторично посетил Этнографический музей и музей ИРГО. В Санкт-Петербурге ему удалось получить рукопись труда Л.Ф. Радлова по языку тлинкитов, над которой автор работал в течение двадцати лет, и «этнографические записки» геолога П.П. Дорошина, сделанные в 1848—1853 гг. во время его пребывания в Русской Америке.

Таким образом, с момента образования Этнографический музей получил известность среди зарубежных специалистов. Эти научные связи стали первым шагом на пути дальнейшего межмузейного обмена коллекциями МАЭ с зарубежными музеями.